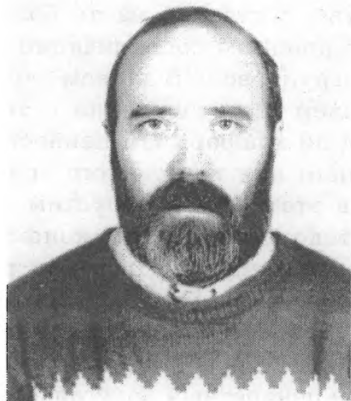

КРАСИЛЬНИКОВ
Сергей Александрович

Красильников С. А. (год рождения 1949) — выпускник Новосибирского государственного университета (1971). Заведующий сектором культуры Института истории СОАН. Автор нескольких монографий по истории интеллигенции.

ФЕНОМЕН И ПРИРОДА КОНФОРМИЗМА РОССИЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В XX ВЕКЕ

От редактора

В Екатеринбурге стало доброй традицией ежегодно, в феврале, проводить в Уральском государственном университете конференцию по истории российской интеллигенции. Нынешняя конференция «Интеллигенция России в конце XX века: система духовных ценностей в исторической динамике» — была посвящена памяти известного ученого и талантливого организатора научных исследований Владимира Григорьевича Чуфарова. Личности яркой и незаурядной, в образе и деятельности которой отразились черты целого поколения советской интеллигенции. Конференция открылась в день рождения ученого — 18 февраля. Ему исполнилось бы 65 лет.

Этим мы хотели подчеркнуть, что изучение истории интеллигенции имеет не только познавательное, но и нравственное значение. Люди, служившие науке, живы, пока есть те, кто помнит их.

В научной конференции приняли участие около 200 ученых и преподавателей вузов Екатеринбурга, Москвы, Новосибирска, Челябинска, Иваново, Омска и других городов.

На Пленарном заседании с докладами выступили председатель исполкома Конгресса интеллигенции России С.А. Филатов, член исполкома Конгресса О. М. Попцов, первый проректор МГУ А. В. Сидорович (Москва), профессора М. Е. Главацкий, А. Ф. Еремеев, С. П. Постников.

Особенностью конференции являлось то, что доклады, опубликованные в сборнике к началу ее работы, не зачитывались, а обсуждались на «круглых столах»: «Творческая личность как духовная ценность» и «Интеллигенция и конформизм». Этим во многом можно объяснить интерес к конференции со стороны как научной общественности, так и средств массовой информации.

Мы предлагаем вниманию читателей доклад профессора С.А. Красильникова, с которым он выступил на «круглом столе», а также заметки журналистки В.И. Финновой.

Тема, предлагаемая вашему вниманию для обсуждения на «круглом столе» и посвященная феномену и природе конформизма отечественной интеллигенции, может показаться не-

ожиданной и нелогичной для данной конференции, в центре которой — духовные ценности интеллигенции. Между тем, обращение к конформизму окажется вполне логичным и достой-

ным обсуждения, если при этом будет выполнено несколько важных процедурных условий.

Условие первое: договориться о понятиях. На наш взгляд, тему конференции не следует достаточно искусственно ограничивать обсуждением только системы собственно духовных ценностей и в узком, непосредственном смысле этого слова — творчество, индивидуализация, свобода, нравственность, самопожертвование и т.д.

С одной стороны, эти ценности самодостаточны, важны и интересны для анализа. Вместе с тем, они обязательно взаимодействуют с другими ценностями. И с этой точки зрения важно, чтобы в центре обсуждения конференции оказалась и проблема более широкого порядка — система социальных, общественных ценностей, и соответственно — поведенческих действий интеллигенции.

В этом случае целесообразно и оправданно говорить, выражаясь на языке аксиологии (науки о ценностях), о таких «ценностных макропозициях», как гуманизм и эгоизм, конформизм и нонконформизм и т.д.

Сказанное тем более важно, что, говоря о ценностях, формирующих духовный, внутренний мир личности, мы с неизбежностью будем обращаться к таким из них (макроценностям социального порядка), благодаря которым интеллигент самоопределяется внутри группы, а группа в целом — внутри общества.

С данной точки зрения конформизм — это не только мировоззренческая, но и поведенческая, позиционная ценность. Под конформизмом традиционно понимается свойство, способность индивида, группы адаптироваться к тем или иным социальным условиям, принять нормы поведения, существу-

ющие в обществе, т.е. интеграционное качество, составная часть более широкого процесса социализации личностной, групповой. (В данном случае мы оставляем пока суждения о том, является ли конформизм ценностью позитивного или негативного толка.)

И в этом своем, допустим, объективистском понимании конформизм должен рассматриваться как важная составляющая в ряду других позиционных ценностей интеллигенции. Мы предлагаем для обсуждения так называемый ценностный треугольник: консерватизм — конформизм — критицизм.

Второе обстоятельство, в силу которого возникла мысль обсудить феномен конформизма. 4-7 сентября 1995 г. в Москве прошла, организованная Межрегиональным центром фундаментальных исследований с участием ученых МГУ и ряда других стран, Международная конференция по проблемам интеллигенции: «Интеллигенция в условиях общественной нестабильности: конформизм или духовное лидерство?» Как предполагали организаторы конференции, стержнем обсуждения на ней стала идея ответственности российской интеллигенции за судьбы страны и ключевой роли, которую должна сыграть интеллигенция в процессе возрождения общества.

По итогам конференции был опубликован сборник тезисов докладов ее участников под названием: «Интеллигенция в условиях общественной нестабильности» (М., 1996).

Что обращало на себя внимание при знакомстве с тезисами сборника? Здесь действительно обсуждалась глобальная проблема социальной и исторической ответственности интеллигенции за происходившее и происходящее ныне в стране. Мессианский оттенок роли интеллигенции налицо. Естествен-

но, большинство сходится на том, что миссия интеллигенции в обществе, конечно, — духовное лидерство, а не конформизм. В сборнике не только не оказалось ни одной публикации, посвященной природе и значению конформизма, но и повсюду, где о нем было упоминание, оно оказывалось крайне негативным и сопровождалось эпитетами, типа «беспринципный», «эгоистичный» и т.д.

Как нам представляется, дискуссия на московской конференции оказалась бы более результативной, если бы ее организаторы избежали дихотомии — сознательного противопоставления двух типов ценностного поведения интеллигенции — духовного лидерства конформизму. По нашему мнению, в реальной действительности внутри интеллигенции неизбежно сосуществуют несколько типов ценностного поведения — и конформизм, и неконформизм (или духовное лидерство), и консерватизм. Список можно расширить, но в любом случае — это макроценностные позиции, присущие интеллигенции, и не считаться с этим нельзя.

И еще одно соображение, необходимое как вводное к дискуссии. Несколько лет тому назад, в 1992 — 1993 гг., коллектив историков и архивистов разрабатывал концепцию издания документальных сборников серии «Архивы Кремля», имея в виду публикацию документов архива Политбюро ЦК партии.

Мы определили в качестве исторического «узла» события 1922 г. — по линии взаимоотношений власти и общества:

1) власть и церковь (изъятие церковных ценностей, репрессии в отношении священнослужителей);

2) власть и политическая оппозиция (процесс над лидерами партии эсеров);

3) власть и интеллигенция (депортация из страны — «философский пароход»; забастовки в вузах).

Для того, чтобы найти идейный стержень для трех упомянутых сюжетов, нами было предложено рабочее название: «Власть и ценности России. Год 1922-й». Подразумевалось, что объединяющим церковью, политическую оппозицию и интеллигенцию может стать понятие ценности — в широком социально-культурном смысле этого слова.

В связи с этим нам хотелось бы перефразировать название настоящей конференции: «Ценности интеллигенции — интеллигенция как ценность».

Интеллигенция как социально-культурная ценность, обеспечивающая развитие. Интеллигенция как ценность, обеспечивающая преемственность общественного развития. Интеллигенция как ценность, обеспечивающая устойчивость общественного развития.

Сказанное имеет самое прямое отношение к роли и значению социального конформизма как ценностной позиции интеллигенции.

В сфере духовного производства культурологами давно используется понятие технологической цепи культуры — создание (производство) культурных ценностей — адаптация и распространение ценностей — потребление ценностей. Если опять-таки вспомнить известную классификацию интеллигенции, предложенную в свое время М. А. Рейснером, то он по функциональному признаку выделял среди нее группы творцов и приспособителей (реализаторов) культуры. Даже с этой точки зрения (технологической) окажется, что значительные слои работников умственного труда заняты не созидательным, творческим трудом, а адаптацией и распространением знаний и воплощением их в практику. В

сущности, уже в этом заложена объективная основа (технологическая) существования конформизма. Основные и массовые профессиональные отряды интеллигенции — медики, педагоги, управленцы, офицеры, юристы — «обучены» на конформизм (приспособление своего труда к нормам и стандартам существующего общества). Таково первое объективное основание конформизма интеллигенции как позиции адаптационно-приспособительной.

Второе (и не менее важное) основание, дающее конформизму социальную «прописку» или право на существование. Мы бы назвали конформизм правом на индивидуальную и групповую самозащиту.

Выделим несколько уровней, где происходят взаимодействия интеллигенции — внутри группы (общности) и вне, где интеллигенция взаимодействует как социально-профессиональная общность с властью и другими социальными группами (обществом в целом).

Внутри самой интеллигенции, равно как и отдельных ее корпоративных групп уже существует механизм адаптации, недопущения и сглаживания конфликтных ситуаций. В рамках своей специальности, в сфере творчества личность может быть творческой, нестандартной, но в рамках корпорации существует комплекс норм и ценностей (профессиональная этика), который, фактически, при выполнении этих требований и есть конформизм как мера устойчивости лиц той или иной профессии («профессиональный конформизм»).

Более сложным и конфликтным представляются взаимоотношения интеллигенции с социальной средой.

Мы хотели бы ввести здесь термин, применяемый в естественных дисциплинах, — «агрессивная среда». Так

вот, применительно к положению интеллигенции в российском обществе XIX — XX вв. она находилась в социальной среде, часто и во многом агрессивной по отношению к ней. Антиинтеллигентские настроения — «махевщина» до революции и «спедедство» после нее — сопровождали интеллигенцию весь XX век. Это — тема отдельного и специального разговора. Для нас же сейчас важно зафиксировать, что конформизм как мера лояльности по отношению к власти и обществу являлся ничем иным, как мерой самозащиты, особенно в условиях «агрессивной социальной среды». В моменты обострения ситуации, общественной нестабильности, конформизм в этой своей грани может проявляться в виде социального подражания. Приведем пример для иллюстрации — известен факт возникновения и существования в 1917 г. такого профессионально-политического объединения, как Советы депутатов трудовой интеллигенции (СДТИ), созданные вслед и по алгоритму создания других Советов 1917 г.

Социальный конформизм, таким образом, — величина объективно заданная. Весьма важен в связи с этим следующий момент. В треугольнике взаимоотношений «власть — интеллигенция — общество» традиционно исследователями делается акцент на связке «власть — интеллигенция». Проведено несколько специально посвященных этому конференций, в том числе здесь, в Екатеринбурге («Интеллигенция и власть на пороге XXI века. — 1996»), появилось несколько специальных монографических исследований социологов, политологов, историков. «Натиск» на проблему по своей интенсивности и масштабам, в принципе, оказался непропорционален сравнительно скромным результатам.

Исследователи вслед за публицистами подтверждают следующую формулу взаимоотношений: интеллигенция не должна сливаться с властью, но не менее опасна и позиция постоянного конфликта с ней.

Получается, что нормой ценностной позиции для интеллигенции, применительно к власти, оказываются не охранительный консерватизм, не конфронтация. Иначе говоря, мерой взаимоотношений становится тот же самый конформизм.

Хотелось бы проиллюстрировать сказанное, используя разработанную московским социологом Н.Е.Покровским социальную типологию поведения российской интеллигенции в послереволюционный период (и шире — советский период). Он насчитывает шесть парадигм поведения:

- 1) «исход», эмиграция;
- 2) катакомбы, внутренняя эмиграция;
- 3) дистанционное партнерство (стремление найти способ сосуществования с режимом, сохранив личную независимость);
- 4) умеренное сотрудничество (стремление найти области деятельности, наиболее нейтральные в идеологическом отношении, напр., естественные науки);
- 5) самозабвенный сервизм;
- 6) диссидентство (Интеллигенция в условиях общественной нестабильности. С.17-28).

Можно не соглашаться и критиковать предложенную Покровским типологию, но можно и рассмотреть ее под углом предмета дискуссии — феномена конформизма. Три из шести предложенных типов поведения групп интеллигенции — внутренняя эмиграция, дистан-

ционное партнерство и умеренное сотрудничество — суть разные стороны, грани социального конформизма.

И наконец, следует вновь подчеркнуть, что мы затрагивали парадигмы взаимоотношений «интеллигенция и власть». Если же мы решим рассмотреть другую связку — «интеллигенция и общество», то исследовательские задачи значительно усложнятся, но и оснований — объективных и субъективных — для существования конформизма как качественной меры социальных взаимодействий сможем обнаружить достаточно.

Последнее соображение, предлагаемое вашему вниманию. Дискуссия, чтобы быть конструктивной, должна иметь стержень. В известной мере он сформулирован в виде вопросника, предложенного участникам диспута. Вероятно, нет необходимости подробно рассматривать весь спектр вопросов. Видимо, есть смысл ограничиться несколькими (базисными).

К их числу можно отнести следующие проблемы:

1. Феномен конформизма вообще и интеллигенции в частности. Причины, основания конформизма и виды его проявления.

2. Ценностный треугольник — три «К»: консерватизм — конформизм — конфронтация.

3. Преломление конформизма в различных профессиональных средах — ученые, деятели искусства, военные и т.д.

4. Конформизм как мера самозащиты интеллигенции.

5. Конформизм как одно из условий социальной стабильности.

